

Научная статья

УДК 343.41
EDN: DVMWUD**ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ****Андрей Юрьевич Кийко¹, Павел Андреевич Спиваков²**^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ kiikovich@mail.ru² ostrovludnikova@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании проведен исторический анализ развития отечественной системы государственной защиты нематериальных благ различных участников общественных отношений, в том числе, военнослужащих. В ходе изучения эволюции института уголовно-правовой охраны прав граждан, в части обеспечения неприкосновенности нематериальных благ, продемонстрировано их последовательное возникновение и расширение понятийного аппарата, в зависимости от исторических этапов развития российского общества. Исходя из реалий современного уровня развития юридических науки и практики Российской Федерации, на основании инвариантных характеристик, проведено разграничение между понятиями, отражающими сущность нематериальных благ. Продемонстрированы важность и самостоятельность такого нематериального блага как деловая репутация и предложено понятие указанного термина, которое может служить формированию единого подхода к определению правоприменителем объекта, подлежащего охране.

Исследовательскую базу составили отечественные и международные нормативные правовые акты различных исторических периодов, в изменяющихся условиях систем общественных отношений, декларирующие незыблемость нематериальных благ и права на их защиту, а также труды ученых-правоведов.

Ключевые слова: честь, достоинство, доброе имя, репутация, деловая репутация, кредит, волатильность, доверие

Для цитирования: Кийко А.Ю., Спиваков П.А. Эволюция института уголовно-правовой защиты деловой репутации в отечественной правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 49–60. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/006.pdf>. EDN: DVMWUD.

Original article

**EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LEGAL DEFENSE
BUSINESS REPUTATION IN THE DOMESTIC LEGAL SYSTEM****Andrey Yu. Kiiko¹, Pavel A. Spivakov²**^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ kiikovich@mail.ru² ostrovludnikova@yandex.ru

Abstract. The study provides a historical analysis of the national system development in the context of intangible benefits state protection of various participants in public relations including servicemen. During the study there is demonstrated the citizens' rights protection evolution, in the part concerning the inviolability of non-material goods, their consistent emergence and conceptual apparatus expansion depending on the historical stages of the Russian society development.

Based on the legal science and Russian law practice current development, intangible benefits concepts are differentiated according to their invariant characteristics.

The importance and independence of business reputation as an intangible good are demonstrated and the term concept to be a unified approach to determine the object protected by the law enforcement is proposed in this study.

The research base consists of national and international legal acts of various historical periods, in different social class conditions of public relations systems, declaring the inviolability of intangible benefits and the right to their protection as well as the legal experts works.

Keywords: honor, dignity, good name, reputation, business reputation, credit, volatility, trust

For citation: Kiiko A. Yu., Spivakov P.A. Evolution of the Institute of Criminal Legal Defense business reputation in the domestic legal system. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;1(26): 49–60. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/006.pdf>. EDN: DVMWUD.

© Кийко А.Ю., Спиваков П.А., 2024

Введение

Современное общество демонстрирует степень развития общественных отношений и их зависимость от окружающих воздействующих факторов, среди которых немалую роль играет информатизация. Все общественные институты подвержены воздействию информационно-телекоммуникационных сетей и, как результат, современное общество принято считать «информационным». Информация в настоящее время может выступать как орудие посягательства на права, ценности и блага участников общественных отношений, где самыми уязвимыми являются нематериальные блага, обеспечивающие субъекту благоприятное и перспективное участие в общественных отношениях. Информация может использоваться для нанесения ущерба чести, достоинству, деловой репутации, et cetera, что неминуемо влечет за собой нарушение иных прав и свобод, которые, в том числе, носят и материальный характер. Ввиду открытости и доступности неопределенному кругу лиц информации, размещаемой на площадках ресурсов сети Интернет, скрыть состояние нематериальных благ, непосредственно влияющее на состояние его носителя, практически невозможно. Соответственно, государство, как регулятор общественных отношений, обязано обеспечить их защиту от противоправных посягательств. Задача правоприменителя усложняется тем, что в отечественном праве отсутствуют легальные, нормативно закрепленные дефиниции нематериальных благ и охраняемых законом прав на них, что затрудняет установление объективной сущности объектов уголовно-правовой защиты, и не способствует верной квалификации действий нарушителя. Правоприменитель имеет богатую практическую базу по уголовно-правовой защите чести, достоинства и репутации, но авторами не выявлено системного подхода к защите деловой репутации. Связано данное обстоятельство с

тем, что не всегда представители правоохранительной системы могут дать точную оценку предмету противоправного посягательства: ни в законе, ни в разъяснениях судов не отражено толкование данного блага подлежащего защите в частном случае. Кроме того, ряд нормативных правовых актов демонстрируют синонимичность терминов некоторых из благ. Например, тождественными могут признаваться такие термины как «репутация», «деловая репутация», «доброе имя»¹ [1], что, с точки зрения авторов, не соответствует действительности, так как данные блага обладают самостоятельными характеристиками, не присущими друг к другу. Несмотря на равнозначное восприятие правоприменителем терминов «репутация» и «деловая репутация», по мнению авторов, они представляют различные ценности и, соответственно, должны применяться разные подходы для обеспечения и реализации охранительных функций государства. Для понимания значений благ в обществе на настоящий момент необходимо провести исторический анализ формирования и изменения понятий терминов, составляющих институт нематериальных благ и определить ключевые характеристики. Этот труд позволит определить инвариантные характеристики, выделяющие деловую репутацию в качестве самостоятельного блага, на основании которого представляется возможным сформулировать и предложить понятие данного блага.

¹ Ст. 128. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации в диспозиции содержит термины «честь», «достоинство» и «репутация» при этом п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», посвященный рассмотрению уголовных преступлений, отсылает к терминам «честь», «достоинство» и «деловая репутация», что указывает на тождественность их восприятия правоприменителем.

Основные положения

Во все времена, во всех системах общественных отношений было, есть и будет принято признавать значение нематериальных благ, носителями которых выступают физические и юридические лица, в том числе в виде органов власти, их представителей, или иных незарегистрированных объединений. Субъекты общественных отношений в лице государств, физических, юридических лиц и объединений относятся внимательно и бережливо к состоянию собственных нематериальных благ. Они придают носимым благам особенное значение ценностей и затрачивают усилия, а также средства на их поддержание и улучшение их состояния. В случае ухудшения состояния благ, носители выступают инициаторами их правовой защиты. Для признания нематериальных благ в числе прочих ценностей и организации процесса их защиты издаются международные и национальные нормативные правовые акты, закрепляющие принципы взаимоотношений между государствами, людьми и организациями, а также алгоритмы урегулирования инцидентов, связанных с посягательствами на нематериальные блага. Нематериальные блага и права на их защиту нашли свое отражение во Всеобщей декларации прав человека [2], в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятых резолюциями Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций [3], а также в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [4]. Нематериальные блага, присущие организациям, закрепляются, как правило, в национальных правовых системах. Авторы уверены, что мнение философов права о том, что «право понимается как совокупность правовых предписаний, нормативных актов, созданных государством для урегулирования общественных отношений» [5] является истинным и отражает административную и регулятивную роли государства в рассматриваемой системе общественных отношений.

Одновременно с международными нормами, блага, как ценность, и права на их защиту закреплены в институциональных национальных правовых системах и их отраслях. В частности, в Российской Федерации иерархично находят свое отражение в вертикали норм от Конституции Российской Федерации и далее по нисходящей правовой системе.

Понятия и термины международного законодательства не всегда абсолютно тож-

дественны понятиям и терминам, используемым в национальных правовых системах. В частности, они незначительно отличаются в российском правовом поле, некоторые соседствующие в понятийном смысле значения выражаются разными терминами. Кроме того, не весь «перечень» благ совпадает с перечнями национальных правовых систем. Устранение данных пробелов возложено на правовые системы государств.

В международном праве нашли свое отражение честь, достоинство и репутация. В основном законе Российской Федерации в числе ценностей, относящихся к нематериальным благам, закреплены достоинство (статья 21 Конституции Российской Федерации), честь и доброе имя (статья 23 Конституции Российской Федерации) [6].

Так как честь, достоинство, репутация, доброе имя – это результаты социальных отношений, обладающие оценочными качествами и отражающие восприятие субъекта или общества по отношению к носителю, они обладают общественной ценностью и подлежат защите со стороны государства. Субъект нематериальных благ имеет право на их охрану. Наиболее эффективным способом правовой охраны является уголовно-правовая защита субъективных прав. В вопросах отношения благ и прав авторы соглашаются с Г. Ф. Шершеневичем [7] в том, что субъективное право – это средство обеспечения пользования благ. Данное суждение указывает на то обстоятельство, что право на уголовно-правовую охрану гарантирует возможность им пользоваться.

Опираясь на вышесказанное, авторы ставят вопросы, как формировался институт нематериальных благ, каков их перечень в отечественной правовой системе настоящего времени, существуют ли новоявленные самостоятельные блага, подлежащие государственной защите и каково толкование терминов, их обозначающих.

Для формирования перечня возникает вопрос о том, какие блага имели значения в какой исторический период, а также с чем было связано формирование новых значимых для общества нематериальных благ. Это позволит проследить эволюцию института нематериальных благ, разграничить их терминологически, исходя из совокупности присущих каждому благу ключевых характеристик, и сформировать актуальное в настоящее время понятие такого новоявленного блага, как деловая репутация.

Результат позволит правоприменителю объективно устанавливать предмет проти-

воправного посягательства субъекта злонамеренных действий.

Вышеупомянутые блага являются продуктом общественного сознания и отражают качественные характеристики лица, как физического, так и юридического, а также незарегистрированных объединений внутри системы социального взаимодействия. Система социальных отношений имеет эволюционный характер и не всегда понятия, присущие термину в настоящее время, несут тот же смысл, что и в предшествующих исторических и культурных условиях развития общества, и напротив, не всегда благо, отражающее качество, выражалось тем же термином, что и в сегодняшнее время. В ретроспективе наблюдается изменение систем общественных отношений, выделение и изменение понятийных категорий нематериальных благ, и отношение к ним в обществе, но, несмотря на вышесказанное и относительную степень правового нигилизма среди участников общественных отношений [8], всегда в обществе и государстве ценилось ответственное отношение к тем или иным формам благ, актуальным на различных исторических этапах. Государство закрепляло систему отношений и свою охранительную обязанность в законе. Члены общества – носители благ, обладающие гарантиями и правами на их неприкосновенность и защиту, государство – регулятор, гарант и охранитель.

Человек, как существо сознательное, проявляет свою высшую психическую активность как социальная единица. Плоды активности отражаются в форме чувствительных и эмоциональных образов, которые служат катализатором для творческой преобразовательной деятельности, направленной на объективную реальность. Результаты данных трудов также подлежат общественной оценке и отражаются в тех же чувственных и эмоциональных образах. Это не что иное, как духовный феномен, образующий знания о ценностях. Нематериальные блага и есть те силы, которые чувственно и эмоционально обобщены и представляют значимый интерес для участников общественных отношений [9, С. 207–209, С. 211–219].

Метод

Путем проведения сравнительного исторического анализа авторы пришли к выводу, что зарождение и начало эволюции российского правового понятийного аппарата нематериальных благ принято относить к XI веку, периоду правления князя Ярослава Муд-

рого и его своду законов, носившему несколько наименований: «Правда Ярославичей», «Древнейшая Правда». Закон был составлен в период сословного разделения в обществе и, соответственно, обеспечивал преимущественную защиту представителей дворянства. Также отмечается отсутствие положительных качественных мер государственной поддержки прав на защиту чести и достоинства женщин. В своем разделе, посвященном защите чести, документ указывает в качестве потерпевшего «мужа», иначе говоря лицо мужского пола [9]. «Правда Ярославичей» впервые нормативно закрепила нематериальные блага, как объекты уголовно-правовой защиты. Были сформулированы нормы о «защите здоровья и чести свободных представителей феодального общества» [10] и сформулирована диспозиция – «оскорбление действием и словом» [11, 12]. Свод законов послужил отправной точкой формирования российской национальной системы охраны нематериальных благ и неимущественных прав.

В данном сборнике законов появились термины «честь» и «оскорбление». Особое внимание уделялось чести высших сословий и воинства. Отношение к такой ценности, как честь, в тот исторический период было продиктовано в основном тем, что величина личности в обществе и соответствующее ее благополучие зависело от состояния чести. Телесные или имущественные преступления несли меньшую угрозу, чем «оскорбление» и «унижение». Физические недостатки и увечья были вполне повседневны и обыденны, имущественное восстановимо, а вот честь, как одна из высших ценностей, представляла особый характер для носителя и являлась гарантом успешного существования носителя и близких ему лиц.

В XIII–XIV веках были изданы своды законов «Русская Правда» и «Уставы о церковных судах». Эти два нормативных правовых акта разделили и детализировали подходы в сфере государственной защиты прав и свобод участников общественных отношений. «Русская Правда» была сосредоточена на защите имущественных прав и защите граждан от насильственных посягательств, факты аморального поведения подлежали разбирательству в церковных судах. «Оскорбление словом» вошло в число норм, регулируемых «Уставами» [13]. Но «Русская Правда» также содержала нормы охранительного характера, регулирующие общественные отношения в области защиты нематериальных благ.

Наряду с термином «чести», в «Русской Правде» усматривается появление достоинства, умаление которого выражается в закреплённом в законе термине «обида». Наказание за причинение вреда личности публично или уничижительным способом каралось более строго, чем совершенной без оскорбительных признаков, к примеру: если физический вред лицу повлек утрату зуба, то виновный выплачивал потерпевшему 1 гривну за зуб, но если то же деяние было совершено публично, то к 1 гривне за зуб возмещались также 12 гривен за «обиду». Равный бой на мечах между оппонентами не относился к противоправным деяниям и не подлежал разбирательству со стороны государства. Однако, если одна из сторон наносила удар бытовым предметом или мечем, вложенным в ножны, то это считалось преступлением (нападение с использованием предметов бытового обихода указывало на то, что потерпевший не заслуживает чести вступить с ним равный бой мечом и являлось публичным оскорблением). Санкция за данное преступление предусматривала выплату потерпевшему суммы в 12 гривен. Действия обидчиков, направленные на умаление достоинства потерпевшего, такие как отрывание усов, бороды, умышленное толкание, также подлежали суровой санкции и обходились преступнику в 12 гривен, это наказание называлось «уроком» [14].

Период XV–XVI веков не отличался особой прогрессивностью в развитии понятий нематериальных ценностей, он лишь расширил содержание противоправных поступков, введя термины «лай» и «бесчестие». Кроме того, официально были введены смягчающие или отягощающие обстоятельства совершения преступления, которые сохраняли за дворянским сословием привилегированное положение, наказание вменялось «смотря по человеку».

Прорыв в законодательстве, связанный с расширением государственных функций в области охраны нематериальных благ и неимущественных прав, отводится «Соборному уложению» 1649 года. Во-первых, «Соборное уложение» [15] предусмотрело в качестве отдельной главы категорию преступлений против чести Главы государства. Вторая глава получила название «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать» [15, с. 72] (орфография сохранена), что указывает на формирование понимания чести представителей органов власти, в частности, Главы государства. Государь назывался величеством,

иначе говоря, лицом с великой честью. В общей сложности в «Уложении» были сформулированы 73 статьи, обеспечивающие охрану чести представителей различных сословий. В качестве наказания появился такой вид последствий, как «отнятие чести». В интерпретации настоящего времени данная мера ответственности аналогична лишению наград, специальных и воинских званий и тому подобное. Указанная мера отражает монополию государства на унижение чести виновного в глазах членов общества. Эволюционным шагом, с точки зрения права, являлся факт нормативного закрепления терминов: «матерная брань», интерпретируемая сегодня в качестве высказываний, совершаемых в грубой нецензурной форме; «поклепа», синонима современной клеветы, за совершение которых предполагались телесные наказания или даже лишение свободы [13].

Наряду с позитивными моментами развития охранительных функций права в период действия «Уложения», наблюдается также и поучительный пример выявленных недостатков, связанных с отсутствием понятий формализации в нормах. Связано это было с правовым феноменом «обиды», иначе говоря, умалении достоинства. С момента появления термина, отражённого впервые в «Русской Правде», общество развивалось, общественные отношения усложнялись, но грамотность не сильно распространялась. Нормы права однозначно требовали уточнений и официального общепринятого толкования данного термина, что на начальном этапе его правоприменения приводило к системным ошибкам. Недосказанность нормы послужила причиной появления вольного толкования объекта посягательства и, как следствие, огромного числа разбирательств, обвинений и наказаний людей за неумышленные проступки и ошибки. Поводами для них служили различные описки в именах, фамилиях, званиях, чинах в документах, написания названий с незаглавных букв, ошибки в написаниях наименований родовых имений, что воспринималось купцами и дворянами как умаление достоинства. Законодателем того периода ошибка была воспринята верно, и в 1690 году издан указ, в соответствии с которым запрещалось признавать преступлением и оскорбительным действием вышеуказанные проступки. С обвиняемого снималась ответственность, и он освобождался от наказания при соблюдении условия о готовности «принести присягу», объявлявшую об

отсутствии в его действиях злого умысла и намерения обидеть потерпевшего [16].

Вышеупомянутое усложнение общественных отношений сказывалось на развитии товарно-деловой области отношений, обогащалось и право, и формы организации представителей купечества и ремесленников. В крупных населенных пунктах начали создаваться и развиваться товарно-ремесленные союзы, которые отличались тем, что приобретали функции купеческих гильдий, интересом которых становилась защита участников в экономическом и правовом отношениях, лоббирование интересов в органах власти, увеличение значимости представителей купечества и ремесел в глазах общественности. Ярким примером того является народный фольклор, отражавший в былинах и сказках положительный образ представителей купечества. Купцы и ремесленники формировали самостоятельное обособленное сословие, что подтверждает в своих трудах исследователь купеческих сословий А. И. Аксенов [17, С. 73–75]. В этой связи отечественное законодательство пополнилось терминами, приближающими авторов к появлению понятия «деловая репутация». В нормах права, регулирующих товарно-деловые отношения, появились статьи, упоминающие «честь и веру купцов». По верному замечанию А. Д. Буларга репутация купца или ремесленника являлась важнейшим условием для успешного ведения дел, слово купца имело высокую цену, в частности «по своему иску купцам достаточно было дать клятву, так как предполагалось, что купцы – люди достойные, верующие и честные, то суд верил им на слово» [18].

Период правления императора Петра Великого, в призме изучения развития отечественной системы права, отмечается принятием в 1716 году Артикула Воинского, однако он не выделяется появлением значимых для исследования событий, как и пришедший ему на смену Екатерининский Устав благочинья. Артикул Воинский в основном регулирует отношения внутри воинских коллективов [19] и в том числе сосредоточен в части, касающейся объекта исследования, на нематериальных благах военнотружущих периода правления Петра Великого и порядке их защиты.

В 1832 году был издан свод уголовных законов, который наряду с прежними нормативно-правовыми актами четко разграничивает такие деяния, как «причинение обиды» и «клевета», тем самым дифференцирует и утверждает самостоятельность терминов и, соответственно, понятий чести и досто-

инства. Как заметила Горожанкина Д. В. в статьях этого свода законов прослеживается субъективность восприятия ущемляемых или умаляемых человеческих качеств потерпевшего [20].

С принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных была сформирована отдельная категория преступлений против нематериальных благ. Глава в этом нормативном правовом акте получила название «Об оскорблениях чести», что позволило сформировать самостоятельную категорию прав, подлежащих уголовно-правовой защите со стороны государства.

Законодательство 1865 года, выраженное в «Уставе о наказаниях» ввело квалифицирующий признак преступления против чести и достоинства «деяние против лица, имеющего право на особое уважение», в число которых вошли женщины. Кроме того, начали зарождаться признаки защиты граждан от диффамации ст. 137 За разглашение с намерением оскорбить чью-либо честь сведений, сообщенных в тайне или же узанных вскрытием чужого письма или другим противозаконным образом, виновные подвергаются: аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей [21, С. 421]. В рассматриваемой норме дискредитация осуществлялась не способом распространения ложных или искаженных сведений, а путем распространения охраняемых законом личных неприкосновенных тайн, чего в современном законодательстве не наблюдается.

Уголовное уложение Николая II, принятое в 1903 году, увеличило степень защищенности представителей политических элит и монархии, уделяя достаточное внимание защите чести и достоинства. В этих нормах права они были обозначены в качестве «личной обиды» и «опозоренья» [22]. В качестве отличительной черты, демонстрировавшей развитие охранительной функции закона, отмечается достойное внимание развитию нового для того периода института средств массовой информации и объективная оценка опасности недооценки регулирования отношений в данной области. Ст. 530 этого правового акта гласит «о вине в оскорблении распространенных или публично выставленных произведениях печати, письма и изображения» [22, С. 168–169]. Вместе с тем стоит обратить особое внимание не на тот факт, что Уголовное уложение несет в себе 17 норм, регулирующих общественные отношения, связанные с охраной нематериальных благ, а на

комментарий к главе: «если этот проступок совершен с целью причинения вреда чести или кредиту лица, то виновный наказывается заключением в тюрьму»). В своде законов появился термин «кредит» [22], синонимичный термину «кредит доверия», еще более приближающий авторов к терминам «репутация» и соответственно, «деловая репутация». Видный советский и российский ученый правовед, занимавшийся многие годы вопросами борьбы с клеветой, И. С. Ной в своих работах изучал рассмотренный термин «кредит» и пришел к выводу, что в период правления Николая II распространение сведений о каких-либо личных недостатках или телесных увечьях мог носить порочащий характер, подрывать кредит доверия лица и ограничивать его возможности получить значимое служебное место [23]. Таким образом, следует, что «деловой кредит» является эквивалентом современного термина «деловая репутация», но присущ лишь физическому лицу. Однако существует и иная точка зрения, заслуживающая внимания, имеющая отражение в правовой действительности. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля кредит истолкован как «купеческое доверие», «вера в долг», «доверие» [24]. Из указанного следует, что интерпретация термина «кредит», использовавшегося в рассматриваемый период истории, сродни современному понятию термина «кредит доверия», ключевой характеристикой которого признается доверие. Необходимо признать, что обе трактовки верны, достойны принятия на вооружение и отражают определенный прогресс в развитии института нематериальных благ и государственной системы их уголовно-правовой охраны.

После 1917 года социальная конъюнктура претерпела существенное изменение: произошло уравнивание положения граждан в обществе, исчезли проявления сословного разделения. Это существенно повлияло на национальную правовую систему в целом, которая разрабатывалась в соответствии со стандартами нового государственного строя и в рамках интересов общественных объединений. Такие действия происходили в соответствии с требованиями идеологической системы, где духовные ценности были умалены и привели к формированию правовых взглядов с преобладанием экономических ценностей. В советский период возвращение терминов «честь» и «достоинство» связано с принятием в 1961 году «Основ гражданского зако-

нодательства СССР и союзных республик». Однако стоит отметить, что признаков повсеместной востребованности и фактической реализации механизмов защиты нематериальных благ не наблюдалось, нормы имели преимущественно декларативный характер. Честь советского человека в указанный период не являлась персональным врожденным благом и формировалась, исходя из объемов выполненных им полезных нагрузок при участии в коллективах, выполняющих отраслевые задачи. Иначе говоря, «коллективная честь» преобладала над личной. В нормах права эти термины не были четко определены и сформировались в соответствии с требованиями социалистического кодекса чести. Советские ученые-правоведы, изучив судебную практику, пришли к выводам, что в период действия рассматриваемых норм большое внимание было сосредоточено на защите блага, обозначенного как «репутация». К. Б. Ярошенко в своем труде пришел к выводу, что «основными средствами причинения ущерба репутации граждан и предприятий служила распространяемая в печати интимная, библиографическая, проектная и иная информация» [25, С. 156–157], относимые к различным видам тайн, которые не связаны с публичной общественной ролью объекта дискредитации. Уголовные кодексы союзных республик имели в своем содержании нормы, защищавшие нематериальные блага рассматриваемых категорий, но в достаточно скудном контексте: честь и достоинство подлежали защите в случаях «оскорбления» и «клеветы». Однако в качестве правового прогресса можно отметить «унижение национальной чести и достоинства» [26], что отражает заботу государства не только о персональных благах лица, но и о благах групп лиц, объединенных по национальному признаку.

Рассвет правовой активности государства в области формирования института защиты нематериальных благ приурочен к принятию в 1991 году «Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик». В качестве самостоятельного блага в законе появилась «репутация», а также «деловая репутация», как неотъемлемая характеристика носителя, участника профессионально-деловых отношений.

В законодательстве Российской Федерации развитие охранительных функций связано с переходом на рыночные отношения с преобладанием международного права, признающего человека, его нема-

териальные права и блага одними из высших ценностей. Появлению и развитию институтов уголовно-правовой защиты нематериальных благ также способствовал рост конкуренции в сферах деловых отношений и труда. Под влиянием рыночных отношений в современном отечественном законодательстве деловая репутация получила статус присущего лицу финансового актива, наделенного оценочной стоимостью, но как заметили Фатеева Т. Н. и Лесина Т. В., не фиксированной, а имеющей динамические показатели [27].

Охранительные функции государства сосредоточены на защите прав физических лиц от случайных и намеренных посягательств, что закреплено в КоАП РФ и УК РФ.

Обсуждение

Особую роль нематериальные блага приобрели с формированием и прогрессивным развитием информационно-телекоммуникационных технологий. Общество переходит из категории «аналогового» в «информационное». Социум зависит от информации, которая, бесспорно, оказывает влияние на носителя рассматриваемого вида благ.

Опираясь на авторитетное мнение ученых-правоведов Сальникова В. П., Захарцева С. И. и Кривоносковой Д. В., о том, что «современное общество перешло из века постиндустриального в информационный, где огромные массивы информации, накопленные обществом, становятся их социокультурным наследием, доступ к которому возможен при помощи новых информационных технологий» [28] авторы делают вывод, что общество преобразовалось из категории «аналогового» в «информационное». Социум зависит от информации, которая, бесспорно, оказывает влияние на носителя рассматриваемого вида благ.

Цифровизация и цифровая трансформация социальных, политических институтов и отраслей приводят к формированию новых стандартов коммуникаций среди участников общественных отношений [29], и нематериальные блага требуют гарантированной охраны со стороны государства.

В Российской Федерации, на основании опыта Китая по внедрению социального рейтинга, рассматривается к внедрению и испытывается национальная система «социального скоринга», которая будет служить автоматической системой оценки лиц на добросовестность и надежность в социальном плане [30]. Аналогичная система «ЭКГ-Рейтинг» внедрена в Центральном федеральном округе, которая формирует оцен-

ку юридических лиц и индивидуальных предприятий [31]. Ответственное отношение лиц к приумножению и поддержанию позитивного состояния благ способствует формированию положительных рейтингов, а посягательства на них должны гарантированно пресекаться государством.

Деловые и профессиональные характеристики носителя в условия социально-экономического прогресса и высокой степени доступности информационной сферы приобретают самостоятельную ценность для участников финансово-хозяйственных отношений. Зачастую, при рассмотрении вопроса об экономической и практической целесообразности взаимодействия между участниками отношений, сведения об их профессиональной, правовой или деловой добросовестности играют большую роль, чем отношение к ним, сложившееся в обществе, на основе бытового поведения. От вышеуказанных качеств зависит и материальная выгода или благосостояние носителя, в том числе выражаемая в стоимости активов организации, текущих, прогнозируемых или желаемых доходах физического или юридического лица, либо состоянии готовности к выполнению возложенных задач и обязательств, на примере представительств органов власти.

Если учитывать тот факт, что деятельность правоприменителя в области государственной защиты чести и достоинства имеет свое четкое практическое выражение, то деятельность при выполнении задач по охране деловой репутации не столь конкретна. Вопросы связанные с защитой репутации относятся к областям гражданского и уголовного прав, а вопросы в области защиты деловой репутации преимущественно отнесены к области гражданского права. Однако ввиду вышеуказанного стоит отметить, что в плоскости уголовно-правовой защиты не формулировалось четкого разграничения между понятиями терминов «репутация», являющегося родовым по отношению к «деловой репутации», соответственно, «деловая репутация».

Для реализации задач правоохранительной системы целесообразно сформулировать понятие «деловой репутации», как обособленного блага, требующего участия государства в обеспечении защиты права на его использование. С указанной целью авторы выделяют инвариантные характеристики деловой репутации, позволяющие исключить возможность ошибочной трактовки термина и не допустить правовых коллизий между субъектами правоотношений.

По мнению авторов, деловой репутации присущи следующие характеристики:

приобретаема в рамках социальных и экономических отношений;

отражаема в общественном мнении о носителе;

неотделима от носителя;

неотчуждаема, но обладает свойством быть временно предоставленной для использования третьим лицам (франчайзинг, представительство);

отражает исключительно деловые, профессиональные качества и правовую добросовестность;

оцениваема как «положительная» или «отрицательная», при этом имеет волатильную оценочную стоимость;

доказываема;

зависит от гласности профессионально-деловых качеств носителя.

Исходя из выделенных характеристик в качестве исключительных, присущих только «деловой репутации» и отличающих от «репутации» в общем смысле, стоит определить следующие: возможность временно передавать для использования третьим лицам; отражаемость профессионально-деловых качеств и правовой добросовестности; наличие оценочной стоимости.

Негативное воздействие, которое может причинить ущерб деловой репутации, это «опорочивание». В качестве общественно опасных последствий стоит отметить при-

чиняемый вред в виде финансовых убытков, а именно: снижение стоимости активов, потеря деловой привлекательности участника финансово-хозяйственных отношений, потеря источников доходов или перспективы развития материального благополучия, снижение состояния готовности к выполнению возложенных задач.

Заключение

Изучение генезиса правовой эволюции института нематериальных благ показывает особую роль и важность рассматриваемых ценностей для участников социальных отношений. Вместе с тем стоит обратить внимание на тот факт, что на современном этапе развития права в России свою роль в качестве самостоятельного, общественно значимого блага приобрела деловая репутация.

Принимая во внимание присущие деловой репутации характеристики, авторы считают целесообразным предложить следующее понимание данного нематериального блага, которое позволит правоприменителю недопустить ошибок при установлении объекта уголовно-правовой охраны.

По мнению авторов, деловую репутацию целесообразно понимать, как приобретаемое в рамках социальных отношений и поддерживаемое носителем общественное признание профессионально-деловой, трудовой и исполнительской надежности лица, подлежащей волатильной оценке.

Список источников

1. Вертепова Т. Н. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 85–88.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. 1998. 10 декабря.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с Факультативным протоколом): [принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. 291 с.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в Риме 04 ноября 1950 г. с изм. от 24 июня 2013 г.]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 12.12.2023).
5. Бастрыкин А. И. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181.
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 12.12.2023).
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. 613 с.
8. Захарцев С. И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2(15). С. 12-20.
9. Чешев В. В. Человек как мыслящее существо, или оправдание разума. Томск: Изд-во Том. арх.-строит. ун-та, 1999. 203 с.
10. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая охрана здоровья, телесной неприкосновенности, чести и достоинства личности в Древней Руси // Сибирский юридический вестник. 2010.

№ 4 (51). С. 86–94.

11. Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 230–275.

12. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М. : Академия наук СССР, 1941. 254 с.

13. Розин Н. П. Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение. Томск: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1907. 281 с.

14. Духовский М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль: URSS, 2016. 264 с.

15. Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с.

16. Пионтковский А. А. Преступления против личности: Уголовное право: Особенная часть: учебное пособие. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с.

17. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М. : РАН Изд.-во наука, 1993. 220 с.

18. Буларга А. Д. Некоторые аспекты возникновения института деловой репутации в праве России // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 89–91.

19. Новокшенов Д. В. Становление и развитие российского законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений // Военное право. 2022. № 5(75). С. 65–70.

20. Горожанкина Д. В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. Как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13 (68). С. 57–60.

21. Виленский Б. В. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М. : Изд-во «Юридическая литература», 1991. 469 с. Т. 8.

22. Анисимов В. П. Новое Уголовное уложение. Неофициальное издание предметного алфавитного указателя. СПб. : Изд-во Каменноостровского юр. кн-го маг-на, 1903. 258 с.

23. Ной И. С. Борьба с клеветой по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского государственного университета, 1953. Вып. 2. С. 399–440.

24. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. М. : Изд.-во Цитадель, 1998. 1889 с. Т. 2.

25. Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М. : Изд-во «Юридическая литература», 1990. 174 с.

26. Уголовный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960] (в настоящее время утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. 591 с.

27. Фатеева Т. Н. Расчет и оценка деловой репутации компании / Т. Н. Фатеева, Т. В. Лесина // Вестник евразийской науки. 2015. № 5 (30). С. 1–10.

28. Захарцев С. И. Разумное мышление как инструмент достижения информационно-правовой культуры / С. И. Захарцев, Д. В. Кривоносова, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2. 174–186.

29. Семенова И. В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 158–165.

30. Ларина А. РГСУ подтвердил разработку системы социального рейтинга «Мы». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6253850> (дата обращения: 18.01.2024).

31. Труханова Э. Компании получают льготы за социальную ответственность URL: <https://rg.ru/2023/12/19/reg-cfo/biznesu-sdelali-ekg.html> (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. Vertepova T. N. Honor, dignity and reputation as objects of criminal law protection. In: Obshchestvo i pravo. 2015;1 (51): 85–88. (In Russ.).

2. Universal Declaration of Human Rights: [adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948]. In: Rossijskaya gazeta. 1998. 10 dekabrya. (In Russ.).

3. International Covenant on Civil and Political Rights (together with the Optional Protocol): [adopted by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th Plenary Meeting of the UN General Assembly on December 16, 1966]. In: Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1976;17. (In Russ.).

4. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod: [zaklyuchena v Rime 04 noyabrya 1950 g. s izm. ot 24 iyunya 2013 g.]. Available from: <https://www.echr.coe.int/>

documents/d/echr/Convention_RUS [Accessed: 12th December 2023]. (In Russ.).

5. Bastrykin A. I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V. P. F. M. Dostoevsky's Philosophy of Law and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the XXI century. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;9: 168–181. (In Russ.).

6. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. Available from: <https://base.garant.ru/10103000/> [Accessed: 12th December 2023]. (In Russ.).

7. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava*. M., 1912. (In Russ.).

8. Zaharcev S. I. Legal nihilism in Russia. In: *Monitoring pravoprimeneniya*. 2015;2(15): 12-20. (In Russ.).

9. Cheshev V. V. *Chelovek kak myslyashchee sushchestvo, ili opravdanie razuma*. Tomsk: Izd-vo Tom. arh.-stroit. un-ta, 1999. (In Russ.).

10. Georgievskij E. V. Ugolovno-pravovaya ohrana zdorov'ya, telesnoj neprikosnovennosti, chesti i dostoinstva lichnosti v Drevnej Rusi. In: *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 2010;4 (51): 86–94. (In Russ.).

11. Zimin A. A. Feodal'naya gosudarstvennost' i Russkaya pravda. In: *Istoricheskie zapiski*. Vol. 76. Moscow, 1965: 230–275. (In Russ.).

12. Tihomirov M. N. *Issledovanie o Russkoj Pravde: Proiskhozhdenie tekstov*. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Russ.).

13. Rozin N. P. *Ob oskorblenii chesti: Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie*. Obshchaya chast'. Opozorenje. Tomsk: T-vo Pechatnya S. P. Yakovleva, 1907. (In Russ.).

14. Duhovskij M. V. *Ponyatie klevery kak prestupleniya protiv chesti chastnyh lic po russkomu pravu*. Yaroslavl: URSS, 2016. (In Russ.).

15. Tihomirov M. N. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* / M. N. Tihomirov, P. P. Epifanov. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. (In Russ.).

16. Piontkovskij A. A. *Prestupleniya protiv lichnosti: Ugolovnoe pravo: Osobennaya chast'*. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. (In Russ.).

17. Aksenov A. I. *Ocherki genealogii uezdnoho kupechestva XVIII v.* Moscow: RAN Izd.-vo nauka, 1993. (In Russ.).

18. Bularga A. D. Some aspects of the emergence of the institute of business reputation in Russian law. In: *Molodoj uchenyj*. 2021;44 (386): 89–91. (In Russ.).

19. Novokshonov D. V. The formation and development of Russian legislation on criminal liability for crimes against the order of subordination and military statutory relations. In: *Voennoe pravo*. 2022;5(75): 65–70. (In Russ.).

20. Gorozhankina D. V. The Code of Laws on Criminal Proceedings in 1832 As an act of systematization of the criminal procedure legislation of the Russian Empire. In: *Vestnik YuURGU*. 2006;13 (68): 57–60. (In Russ.).

21. Vilenskij B. V. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov*. Moscow: Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 1991. 469 s. Vol. 8. (In Russ.).

22. Anisimov V. P. *Novoe Ugolovnoe ulozhenie*. Neoficial'noe izdanie predmetnogo alfavitnogo ukazatelya. Saint-Petersburg: Izd-vo Kamennooostrovskogo jur. kn-go mag-na, 1903. (In Russ.).

23. Noj I. S. The fight against defamation under Soviet criminal law. In: *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1953. Vyp. 2: 399–440. (In Russ.).

24. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moscow: Izd.-vo Citadel', 1998. Vol. 2. (In Russ.).

25. Yaroshenko K. B. *Zhizn' i zdorov'e pod ohranoj zakona*. Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnyh neimushchestvennyh prav grazhdan. Moscow: Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 1990. (In Russ.).

26. The Criminal Code of the RSFSR: [approved The Supreme Council of the RSFSR on 10/27/1960] (currently in force). In: *Vedomosti VS RSFSR*. 1960;40. (In Russ.).

27. Fateeva T. N., Lesina T. V. Calculation and assessment of the company's business reputation. In: *Vestnik evrazijskoj nauki*. 2015;5 (30): 1–10. (In Russ.).

28. Zaharcev S. I., Krivososova D. V., Sal'nikov V. P. Rational thinking as a tool for achieving information and legal culture. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;2: 174–186. (In Russ.).

29. Semenova I. V. Digital information as a subject of encroachment of crimes in the field of computer information. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Yuridicheskie nauki. 2022. Vol. 8;4: 158–165. (In Russ.).

30. Larina A. RGSU podtverdil razrabotku sistemy social'nogo rejtinga «My». Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6253850> [Accessed: 18th January 2024].

31. Truhanova E. Kompanii poluchat l'goty za social'nuyu otvetstvennost' Available from: <https://rg.ru/2023/12/19/reg-cfo/biznesu-sdelali-ekg.html> [Accessed: 21th January 2024].

Информация об авторах

А. Ю. Кийко – кандидат юридических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 19.02.2024;
принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

A. Yu. Kiiko – Candidate of Sciences (Law)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 19.02.2024;
accepted for publication 25.03.2024.